

В. П. Поршнев

Канон семи чудес света Филона Византийского

Опубликованный в 1640 г. по византийской рукописи под именем Филона Византийского канон семи чудес света долгое время приписывался александрийскому автору II в. до н. э. Филону Механику, но в настоящее время признается позднеантичным или ранневизантийским риторическим упражнением. Статья исследует истоки происхождения этого литературного памятника, в основе которого, по мнению автора, лежит более ранний текст периода эллинизма, из которого безвестный ритор, возможно учившийся или преподававший в знаменитой Газской школе ораторского искусства (V–VI вв. н. э.), заимствовал технические подробности, касающиеся сооружений и материалов описываемых чудес, дополнив их собственными словесными восхвалениями. Аргументируется предположение, согласно которому автором утраченного первоначально, более подробного сочинения действительно мог быть Филон Механик. Дошедший же до нас текст представляет большую ценность для историков культуры как каталог, посвященный культурному наследию эллинов и народов Востока. Каталог, ценный не только самим по себе семеричным канонам, почти полностью совпадающим с принятым в Новое время, но именно заимствованными фрагментарными техническими сведениями. Статья дополнена авторским переводом памятника на русский язык.

Ключевые слова: Филон Византийский, Лев Аллаций, Йохан Орелли, семь чудес Древнего мира, канон, культурное наследие

Valeriy P. Porshnev

Canon of the Seven Wonders of the World by Philo Byzantius

The canon of seven wonders of the world, published in 1640 according to the Byzantine manuscript under a name of Philo Byzantius, long time was attributed to the Alexandrian author of the 2nd century BC Philo Mechanicus, but now it is recognized as late antique or early Byzantine rhetorical exercise. Article studies sources of origin of this literary monument at the base of which, according to the author, earlier text of the Hellenism, from which the unknown rhetorician, which was perhaps studying or teaching at the well-known Gaza's rhetorical school (the V–VI centuries AD), borrowed the technical details concerning a construction and materials of the described miracles lies, having added them with own verbal praises. The assumption, according to which Philo Mechanicus could be the author of the lost initial, more similar composition, really is reasoned. The text which reached us is of great value for historians of culture as the catalog devoted to cultural heritage of Greeks and nations of the East. The catalog valuable not only a septenary canon, almost completely coincident with accepted during Modern Age, but the fragmentary technical data which are borrowed. Article is supplemented with the author's translation of this monument into Russian.

Keywords: Philo Byzantius, Leo Allatius, Johannes Orellius, seven wonders of the Ancient World, canon, cultural heritage

DOI 10.30725/2619-0303-2020-2-92-98

В 1640 г. грек-униат Лев Аллаций (1586–1669), заведовавший библиотекой палаццо Барберини в Риме, представил хозяину дворца кардиналу Франческо Барберини карманную книжечку (формат in octavo), озаглавленную «О семи чудесах света». Рукопись, предположительно X в. н. э., чьи последние листы были сильно подпорчены червями, а окончание и вовсе отсутствовало, попала в Европу в начале XVI столетия из Константинополя, сначала в университетскую библиотеку Гейдельберга, затем в Ватиканскую Апостольскую библиотеку. В рукописи на первом листе и соответственно – на обложке печатного издания автором был указан Филон Византийский.

Известен только один уроженец Византия, носивший это имя – Филон Механик, живший в 260–220-е гг. до н. э. в Александрии. Он был учеником Ктесибия, величайшего механика античности. Его труды, такие как «Белопоника» (искусство изготовления военных метательных машин), «Пневматика», «Полиоркетика» (о стенобитных и других осадных машинах), «Об изготовлении автоматов» (Automatopoietica) и «Обозрение механики» (Mechanikē syntaxis), даже после появления огнестрельного оружия, служили учебными пособиями для военных инженеров. И, несмотря на то что сочинение «О семи чудесах света» больше напоминало торжественную речь оратора, чем труд инженера,

его приписывали Филону Механику вплоть до второй половины XIX в.

Хотя в заглавии указывалось семь чудес света, рукопись содержала только шесть. Последняя, седьмая, глава не сохранилась, последняя, описывавшая храм Артемиды Эфесской, обрывалась на полуслове. Седьмым чудом, как обещало Введение, должен был стать Галикарнасский Мавзолей. Таким образом, канон Филона Византийского полностью совпадал с тем, который был известен по эпиграмме Антипатра Сидонского [1, с. 265]. От общепринятого в Новое время канона он отличался тем, что вместо Александрийского Маяка там указывались стены Вавилона. Совпадению канонов Филона и Антипатра как будто подтверждало тождество Филона Византийского с Филоном Механиком, поскольку этих авторов разделяло лишь несколько десятилетий (эпиграмма Антипатра датируется серединой II в. до н. э.).

В дальнейшем осуществляется еще несколько изданий рукописи. Самым известным, с которого делают репринты в наше время, является издание 1816 г. под редакцией Й. Орелли, дополнившего текст Филона большой подборкой свидетельств о чудесах света античных, византийских и средневековых западноевропейских авторов [2].

Впервые полностью переведенное нами на русский язык сочинение «О семи чудесах света» показывает, как в древности стали заниматься тем, что мы называем всемирным культурным наследием. При этом лимитом отбора выступает число семь, священное у всех народов мира.

Самый ранний по времени дошедший до нас в подлиннике документ, в котором сообщается о семи чудесах, берлинский папирус (P. Berol. 13044v), приводит сведения о них в одной из двенадцати колонок, на которые разбит лист. Относительно чудес света (девятая колонка) заявлено, что их будет именно семь. Прочсть можно названия трех: пирамиды, Мавзолей в Галикарнасе, храм Артемиды Эфесской [3, S. 9–10]. Все три совпадают с канонами Филона и Антипатра.

Антипатр вряд ли сам составлял канон – занятие, более подходящее для ученого с энциклопедическими знаниями, чем для поэта. Скорее, он имел перед глазами уже готовый список. Следовательно, этот вариант канона имел хождение около 150 г. до н. э. Берлинский папирус относят примерно к тому времени, причем он представляет собой пособие для учеников одного из гимнасиев птолемеевской эпохи в оазисе Фаюм. Напрашивается вывод, что и текст Филона, и папирус, и эпиграмма Антипатра следуют одной, достаточно распространенной в ученых и поэтических кругах II века до н. э. версии.

Начиная с I века н. э. античные авторы предлагают новые варианты седмицы либо расширяют канон (до тридцати и более чудес), чтобы включить в него как можно больше достопримечательностей. К рукотворным добавляли чудеса природы (озера, пещеры, источники, скелет кита) или курьезы (алтарь на Делосе, сложенный из оленьих рогов) [4, с. 198–200]. В разных списках фигурируют Капитолий, Колизей, египетские обелиски, шедевры классической скульптуры [5, р. 8; 6, р. 159]. Распад Римской империи, утрата Востока, перешедшего под власть мусульман, разрушение большинства знаменитых памятников, скупые и обрастающие фантастическими подробностями слухи о них, порождают причудливые фантазии средневековых писателей Византии и Западной Европы. Египетские пирамиды превращаются в амбары для зерна, устроенные библейским Иосифом Прекрасным. Сообщают о висящей в воздухе статуе героя Беллерофонта в Смирне. Говорится о волшебной комнате (или пещере) в Вифинии, наполненной голосами мертвых. И о статуях на римском Капитолии, которые сами собой, чудесным образом, поворачивались, предупреждая о мятежах в Римской державе. Утверждают, что Александрийский Маяк стоит на погруженных под воду огромных стеклянных крабах. И, конечно же, перечитывая Библию, христианские писатели пополняют список такими чудесами, как Ноев ковчег или храм Соломона в Иерусалиме [7, р. 470; 8, р. 961–962; 9, с. 145–175]. Лишь в XVI–XVII вв. в Европе возвращаются к первоначальному канону, колеблясь только в выборе между стенами Вавилона и Маяком в Александрии.

Вряд ли такие колебания можно объяснить тем, что Маяк в глазах древних авторов еще не прошел «проверку» временем. Колосс Родосский, например, был моложе Маяка на шестьдесят лет. Так же не выдерживает критики положение о том, что Маяк воспринимался как слишком утилитарное «инженерное» сооружение. Он имел богатую мраморную облицовку, у подножия стояли фигуры фениксов и статуи царей и цариц династии Птолемеев. На верхнем ярусе находились движущиеся фигуры богов и богинь, работы искусных александрийских механиков. По нашему мнению, отсутствие Маяка в первоначальном списке свидетельствует, как ни парадоксально, о том, что канон Филона-Антипатра родился именно в Александрии. Жившие там ученые и писатели мыслили свой город как центр мира. Чудеса света, по Филону и Антипатру, располагались плавным полукругом к северу, востоку и югу от птолемеевской столицы. Сама же Александрия обладала целым рядом достопримечательностей, которые, по мнению

ее обитателей, заслуживали отдельного подробного описания. И такое описание, действительно, было составлено во второй половине III в. до н. э., почти одновременно с каноном Филона-Антипатра. Речь идет о сочинении Калликсена Родосского «Об Александрии», известного, к сожалению, только благодаря пространной цитате из Афиня, содержащей описание городского празднества [10, с. 254–261]. Но, судя по названию, утраченные страницы включали и рассказ о значимых постройках города.

До 1875 г. мнение о том, что Филон Византийский и Филон Механик – одно и то же лицо, преобладало в ученых кругах Европы. В 1875 г. публикуется диссертация Германа фон Родена [11], после чего автора «О семи чудесах света» стали именовать Псевдо-Филоном или Филоном-Парадоксографом.

Помимо того, что сочинение по своей композиции и общему тону напоминает торжественную речь, прославляющую семь творений, вместо подробного описания их технической составляющей (что соответствовало бы профессиональным интересам Филона Механика), в тексте встречается «зияние» (hiatus), неудобная для декламации встреча гласных в предложении, чего тщательно избегали греческие писатели и ораторы. Наоборот, византийские авторы уже мало внимания обращали на это явление. Г. фон Роден посчитал возможным сделать вывод: книга Филона «О семи чудесах света» является произведением V или даже VI столетий н. э. По стилю она ближе всего к тем образцам ораторского искусства, которые оставила нам в наследство школа риторики в палестинской Газе. Эта школа переживает расцвет под руководством Хорикия Газского (ок. 500 – ок. 590), оставившего большой сборник риторических упражнений, которые Хорикий предлагал в качестве пособия ученикам, писавшим по их подобию собственные импровизации.

Данный факт позволяет объяснить, почему сочинение «О семи чудесах света» было приписано Филону Византийскому. В нем, несмотря на малый объем, довольно четко прослеживаются два параллельных текста. Один – это славословия чудесам и человеческому гению их создавшему. Здесь явное сходство с речами и их имитациями (риторическими упражнениями), практикуемыми во всех школах ораторского искусства античности периода Второй софистики (II–VI вв. н. э.), в том числе и в Газе Палестинской. Существенным аргументом для установления временных рамок, как будто, являются языческие пристрастия сочинителя, демонстрирующего благочестие по отношению к Зевсу, к Гелиосу, к Артемиде. В VI в. последние

центры языческого образования закрываются. В упомянутой школе в Газе все преподаватели были христианами. Но Хорикий Газский требовал от учеников обязательного знания древней мифологии. Постоянно используя в собственных речах и трактатах образы языческих богов и героев, их эпитеты, пересказывая мифологические сюжеты, он лишь подчеркивал, что делает это исключительно для обогащения языка.

Был и другой повод пересыпать торжественную речь заимствованиями из языческого прошлого. Не только в Газе, но повсеместно во времена Второй софистики использовался особый метод обучения – сочинение речей, писем, дневников или даже философских трактатов как бы от лица древних авторов, подражая их стилю, вживаясь в него. Те памятники античной литературы, к авторам которых филологи прилагают приставку Псевдо-, хорошо это демонстрируют: поддельные речи Демосфена и других афинских ораторов, диалоги и письма, приписываемые Платону, переписка Александра Македонского и Аристотеля и т. д. Хорикий Газский, например, имитирует речь древнего спартанца, защищающего в суде Праксителя, обвиняемого поборниками благочестия в том, что богине Афродите скульптор придал сходство с гетерой Фриной [11, р. 325]. В других импровизациях Хорикий обращается к Ахиллу от имени Патрокла или к афинянам от имени Мильтиада. Не мог ли и так называемый Филон Парадоксограф сочинить свою речь о семи чудесах света как бы от имени Филона Механика? В пользу такого предположения свидетельствуют перебивающие славословия технические фрагменты, которые, если сложить их вместе, образуют второй текст, явно заимствованный оратором из какого-то более раннего источника. Причем составитель, видимо не очень хорошо разбираясь в технических вопросах и боясь наскучить читателю (или слушателю), обрывает рассказ, возвращаясь к восхваляющим чудеса словесным изыскам. Особенно много подробностей касается египетских пирамид (перечисляются сорта декоративного камня, используемого для их облицовки, с точными указаниями на расцветку и места добычи), а также Колосса Родосского (подробно излагается процесс сборки огромной статуи). На третьем месте – глава о Висячих садах, где рассказчик более лаконичен, но он обращает внимание не только на их конструкцию, но и отмечает специфический способ непрерывной поливки с применением винта Архимеда (kochlioëidōs), который первоначально, примерно с 250 г. до н. э., применялся в Египте, а затем получил распространение по всему Ближнему Востоку.

Далее, все чудеса описываются как преобладающие в полной сохранности. Тогда как в VI в. облицовка пирамид уже расхищалась для новых построек в Египте и за его пределами. Колосс Родосский лежал поверженным, рухнув при сильном землетрясении ок. 326 г. до н. э. Храм Артемиды Эфесской разобрали на части, перевезя самые ценные (колонны, статуи, бронзовые врата, барельефы) в Константинополь для украшения императорского дворца и здания Сената. Вавилон уже не существовал, окончательно покинутый жителями во II в. н. э. Наконец автор перечисляет именно те чудеса, что составляли первоначальный канон II в. до н. э., игнорируя все последующие, вариации, новации и фантазии.

Нет ничего удивительного в том, что Филон – александрийский механик, эрудит, интеллектуал заинтересовался теми творениями рук человеческих, где как раз гармонично сочетались художественное и инженерное начала. Филон Механик, помимо изготовления военных машин, занимался художественным конструированием. Он изготовил фигуру героя, сражающегося с драконом, птицу, защищающую гнездо с птенцами от нападения змеи, и певчих птиц, сидящих по краям медной чаши. Самым знаменитым произведением Филона была механическая служанка-автомат, разливающая вино во вложенную ей в руку чашу и умеющая даже разбавлять вино водой [12, р. 51–55].

Занимая должность главного механика при дворе, Филон должен был совершать частые поездки в Мемфис, сопровождая царя и царицу, ежегодно отправлявшихся в древнюю столицу для совершения религиозных церемоний. У него было время для осмотра пирамид, находившихся еще в хорошем состоянии. Высоту их, а также периметры он определяет «на глаз», ошибаясь на несколько метров. Либо это уже Псевдо-Филон дает «усредненные» цифры. Зато у Филона – подробное перечисление сортов камня, придающих мемфисскому чуду красочное многоцветие. Грани пирамид, по его словам, гладко отполированы. Поэтому фраза о поднимающихся на вершину зрителях является либо поздней вставкой в текст (в VI в. от Р. Х. уже были трещины и изъяны, обеспечивавшие возможность подъема), либо это риторический прием, подчеркивающий их головокружительную высоту.

В «Механическом обозрении» Филона также есть фраза, позволяющая уверенно говорить о том, что он бывал на Родосе, причем до землетрясения, опрокинувшего статую Гелиоса. Поехать туда он мог по царскому повелению, чтобы помочь укрепить оборону дружественного Птолемеям полиса. Филон говорит об общении с

родосскими инженерами, среди которых было много выходцев из Александрии [13, р. 5]. Отсюда – хорошие знания о структуре Колосса и технологии его сооружения.

Должность главы царских мастерских Филон Механик занял в конце правления Птолемея III (246–222 до н. э.). Но начинал он службу как рядовой армейский инженер, конструировавший самострелы и камнебитные машины. Можно сделать предположение о том, что в начале своей карьеры он мог лицезреть Висячие сады и стены Вавилона. В 246 г. до н. э. Птолемей III начинает победоносную войну с царством Селевкидов. Египетские войска заняли Сирию, Вавилонию и Персиду. Вавилон был взят в январе 244 г. Затем вспыхнувшее в Египте восстание вынудило Птолемея III прекратить столь успешно начатый поход. Если предположить, что Филон, вместе с другими царскими инженерами, сопровождал египетскую армию, и нескольких месяцев, проведенных им в Вавилоне, было достаточно, чтобы изучить и орошаемые с помощью Архимедова винта Висячие сады, и циклопические стены города.

Как бы то ни было, вне зависимости от правильности нашей гипотезы об авторе, из которого черпал сведения Псевдо-Филон, дошедший до нас текст представляет огромную ценность для историков культуры как каталог, специально посвященный культурному наследию эллинов и народов Востока. Причем этот письменный источник ценен не только самим по себе семеричным каноном, но именно благодаря заимствованному ритором ранневизантийской эпохи фрагментарным техническим сведениям. Хочется надеяться на его последующую публикацию отдельной монографией с подробными комментариями и обязательно вместе с прочими, намного превышающими его объем свидетельствами о чудесах света, как это принято в зарубежных изданиях.

Филон Византийский. О семи чудесах света

Из семи чудес каждое по отдельности, благодаря молве, известно всем, узреть же их все вместе редко кому удавалось. Ведь для этого нужно было к персам отправиться и переплыть Евфрат, и в Египте побывать, и в Элладу к элейцам навеститься, и в Галикарнас, который в Карию, приехать, и на Родос приплыть, и Эфес, тот, что в Ионии, обозреть. И лишь возвратившись после долгих странствий по миру домой, насытившись знаниями, только тогда и осознаешь, что ради них ты потратил всю свою жизнь.

Потому-то образованность есть восхитительный и великий дар, ибо она извобляет че-

ловека от тягостей путешествий, все прекрасное являет прямо на месте, наделяя зрением саму душу. И вот что примечательно. Тот, кто, побывав в тех местах, видел чудеса лишь один раз, наверняка что-то оставил без внимания. А что-то наверняка пропустил или забыл. Но тот, кто сначала познакомился с этими удивительными творениями посредством словесного изъяснения, созерцая затем каждое из них по отдельности, обнаружит в них все примечательные черты, ибо он уже постиг чудеса света своей душой.

О них я веду рассказ, выявляя истину, так, чтобы каждое из семи чудес слово мое верно отображало, убеждая радушного читателя признать величие обозреваемого. Ибо из всего, что достойно восхваления, только они зовутся общим именем, обозреваемые на равных основаниях, изумляющие же каждое по-своему. Ведь их величие подобно Солнцу, которое так блистает, что затмевает все остальное.

Первое чудо. Висячий сад

Так называемый Висячий сад имеет ту особенность, что наземные растения выращиваются там высоко в воздухе, почву же крепко удерживают корни деревьев. Снизу подставлены каменные столбы, и все пространство под землей занимают их граненые опоры. Кроме того, вперемежку с землей плотно положены стволы финиковых пальм. Из всех деревьев только они не подвержены гниению.

Влага подается наверх под давлением, заполняя протоки между плотно переплетенными корнями и затем, самотеком, выходя наружу. Поэтому земля там увлажняется обильно и к тому же над ней простирается густая листва заботливо ухоженных деревьев, да еще всю ее покрывает пестрый ковер разнообразнейших цветов, доставляя взору величайшее наслаждение.

Возделывается сад, как и всякая нива, схожим образом: его сухая почва увлажняется и удобряется. И все это изобилие – над головами тех, кто прогуливается по нижним колоннадам. Поднявшийся же на верхнюю террасу ходит как бы по плодороднейшей заповедной и девственной земле, покоящейся на перекрытиях. Потоки воды, струящиеся там и сям, и сбегаящие вниз, совершают поворот и под давлением возвращаются наверх, по спирали, при помощи особых механических приспособлений.

Благодаря частым и обильным источникам весь сад орошается и оплодотворяется вплоть до самых глубоких корней растений, и влагу та земля хорошо сохраняет. По этой же причине трава там всегда зеленеет, а разросшаяся листва деревьев, благодаря густо переплетенным веткам, обеспечивает прохладу и свежесть.

Поскольку корни не испытывают нехватки влаги, растения, едва успевая отцвести, зацветают вновь. Сплетенные же под землей между собой корни придают прочность всему основанию и самим деревьям, как бы поддерживающим друг друга.

Роскошное и царственное сооружение, к тому же – невероятной прочности, плод тяжкого земледельческого труда, над головами зрителей нависающий!

Второе чудо. Пирамиды в Мемфисе

Построить пирамиды в Мемфисе кажется делом невыполнимым, да и рассказам о них верится с трудом. Как будто горы возносятся одна выше другой, высота же их четырехгранников так невообразима, что всякий задается вопросом, какими силами были подняты наверх столь большие тяжести?

Прочность каждому четырехгранному основанию придают вкопанные в землю плиты высотой в целый обычный дом, и все сооружение понемногу сужается, принимая вид пирамиды или гномона. Высота достигает трехсот локтей, периметр же доходит до шести стадиев. Плиты так тщательно состыкованы и отполированы, что кажется, будто все строение выполнено из одного цельного камня. На самом же деле разных расцветок камни сочетаются там друг с другом. В одном месте – подобные белому мрамору, в другом – черные, привезенные из Эфиопии, потом – кроваво-красный, так называемый гематит, затем – светло-зеленый с прожилками, добытый, как утверждают, в Аравии. У некоторых иссиня-черные поверхности так отполированы, что блестят как стекло, потом идут камни яблоневого цвета, а за ними – багряные, словно окрашенные в пурпур, добываемый из обитающих в раковинах морских моллюсков.

К благоговению прибавляется наслаждение, удивление вызывает изобретательность, роскоши сопутствует величие. А высота делает тягостным восхождение. У тех же, кто смотрит с вершин вниз, темнеет в глазах. Соответствуют этой многоцветной красе невероятные затраты из царских сокровищниц.

Да будет восхваляться несомненный успех деяния, благодаря которому, при всей его расточительности, стало возможным достичь небесных светил! Ведь люди, благодаря таким вот творениям, восходят к богам, а боги нисходят к людям.

Третье чудо. Зевс Олимпийский

Крон – отец Зевса, который на небесах, Фидий же – того, который в Элиде. Первый рожден бессмертным по естеству, второго лишь руки скульптора смогли уподобить богам. Счаст-

ливец, он один узрел повелителя мира и смог всем прочим явить Громовержца!

Если же не приличествует самому Зевсу называться сыном Фидия, воистину, матерью образа его стало искусство [ваяния]. Для того природа произвела слонов, чтобы Фидий, распилив слоновьи бивни, использовал их затем как исходный материал для статуи; для того-то и Ливия пожертвовала стадами своих слонов.

Поэтому, если всеми прочими из Семи чудес мы лишь восхищаемся, этому также поклоняемся, ибо оно не только произведение искусства, но и Зевса подобие. Стало быть, творение это заслуживает похвалы, богопочитание же обретает бессмертие.

О, наследие Эллады, ты и возвеличило богов во Вселенной, как никакое славословие впоследствии их не возвеличивало, и мастеру-творцу даровало бессмертную славу, столь великую, что никакое потомство не смогло бы ее даровать! И также смогло показать людям образы богов, каковые без тебя никакими другими способами показать было бы невозможно. На долгие времена Фидий взошел на Олимп, до тех пор, пока истина побеждает вымысел, знание – предания, зрение – слухи.

Четвертое чудо. Колосс на Родосе

Родос – остров, в стародавние времена скрытый в морской пучине и поднявшийся на поверхность после того, как Гелиос получил его от богов себе во владение. Там поставлен Колосс семидесяти локтей высотой, изображающий Гелиоса. Бог узнаваем по его обличью. Мастер израсходовал на статую столько бронзы, что совсем истощил рудники [на острове]. Она стала самой большой во всем мире статуей, исполненной в бронзе. Для того ли Зевс являл родосцам свое божественное величие, чтобы его затмила слава Гелиоса, изображение бога, горделиво возносящегося от Земли к Небу?

Мастер укрепил его железными скобами и каменными плитами, каковые скрепы кажутся исполненными молотами Киклопов. А то, что недоступно зрению, гораздо внушительнее того, что видят. Зритель, восхищенный увиденным, задается вопросами, какими же кузнечными орудиями, или на каких подставах для наковален, или какими великими усилиями кузнецов были выкованы столь тяжелые опоры?

Пьедестал ее был сложен из плит белого мрамора. На него поставили ступни Колосса до лодыжек, достигнув слаженности, благодаря чему бог и смог вознестись на семьдесят локтей ввысь. Одна лишь его стопа уже превосходила все прочие статуи. Поэтому не было никакой возможности в дальнейшем налагать сверху доставленные откуда-либо части. При-

шлось вначале отлить лишь ступни, а затем уже водрузить всю статую на каркас так, чтобы она, подобно зданию, опиралась бы на саму себя. По той же причине, если другие статуи мастера сначала лепят, затем отливают по частям и, наконец, собрав все части вместе, составляют их, так что на первую отливку накладывают вторую, к ней добавляют третью, после чего изделие подвергается окончательной обработке, для этой статуи невозможно было привозить из рудников готовые фрагменты.

Отливка производилась после предварительных трудов, когда с помощью [металлических] ребер соорудили отдельные ярусы на сплошном основании и для прочности заложили их внутри крупными камнями. А чтобы при выполнении работ сооружение стояло непоколебимо, постепенно насыпали вокруг Колосса слои земли, скрывая то, что было уже завершено, продолжая отливку на достигнутых уровнях. Так, продвигаясь понемногу к осуществлению задуманного, израсходовав пятьсот талантов меди и триста – железа, [мастер] сотворил в дар богу подобие бога, высоко подняв столь дерзостное творение. Поистине, второй Гелиос был явлен миру.

Пятое чудо. Стены Вавилона

Семирамида вынашивала обширные замыслы для укрепления царской власти. Потому-то умерла, оставив после себя чудо, достойное внимания. Ибо она окружила Вавилон стенами протяженностью в триста шестьдесят стадиев, заложив их так, чтобы скороход мог по ним обещать весь город.

Однако удивление вызывает не одна лишь их величина, но и незыблемость сооружения, и ширина средней части. Возведены же они из обожженного кирпича, скрепленного асфальтом. А высота стен более пятидесяти локтей, ширина же проходов такова, что по ним одновременно могут пронестись четыре колесницы, запряженные четверками лошадей.

Прочнейшие и часто поставленные башни способны дать отпор бесчисленным силам неприятеля. Поэтому город стал передним краем обороны Персиды, и, кажется, может вместить в себя все население мира, столько десятков тысяч жителей в нем обитают. Едва ли столько же людей возделывают окрестные земли, сколько населяют Вавилон. А рядом с ними – еще и приезжие, покинувшие свои страны и пребывающие в его стенах.

Шестое чудо. Храм Артемиды в Эфесе

Храм Артемиды в Эфесе – единственная в своем роде божественная обитель. Всякий, кто его узрит, поверит, что, пережив местопребывание, небесный мир, не ведающий смерти,

снизошел на Землю. Гиганты либо дети Алоя жаждали достичь Неба, не храм, но Олимп сложив из скал. Здесь же имеет место быть более дерзостный труд, труд строителя, гораздо более искусная работа. Ведь строитель, освободив место для фундамента от лежавшей там земли и выкопав рвы невероятной глубины, сложил подземное основание, истоцив окрестные каменоломни ради скрытых под землей работ. Обеспечив же непоколебимую прочность и превзойдя Атланта в удержании положенных сверху тяжестей, прежде всего, соорудил террасу с десятью ступенями, по которым можно подняться наверх, и ... [здесь рукопись обрывается].

Список литературы

1. Античная лирика: пер. с древнегреч. и лат. яз. Москва: Худож. лит., 1968. 623 с.: ил.
2. Philonis Byzantini libellus de septem orbis spectaculis. Lipsiae: sumpt. Fr. Chr. Vogelii, 1816. XX, 228 p. Reprinted: Whitefish, Montana (USA): Kessinger Publ., 2010; Charleston, South Carolina (USA): Nabu Press, 2011.
3. Diels H. Laterculi Alexandrini aus einem Papyrus Ptolemäischer Zeit. Mit 1 Taf. // *Abhandlungen der Königlich Preussischen Akademie der Wissenschaften. Philosophische und Historische Abhandlungen II*. Berlin: Verl. der Königlichen Akad. der Wissenschaften, 1904. S. 1–16.
4. Луций Ампелий. Памятная книжица // *Малые римские историки: Веллей Патеркул. Анней Флор. Луций Ампелий* / пер. с лат. А. И. Немировского, М. Ф. Дашковой. Москва: Ладомир, 1996. С. 191–222.
5. Index scholarum publice et privatim in Academia Georgia Augusta per semester aestivum. Gottingae: offic. Acad. Dieterichiana typ. is expressit. W. Fr. Kaestner, 1884. P. 8.
6. Vibii Sequestri de fluminibus fontibus lacubus nemoribus paludibus montibus gentibus per litteras // *Riese A. Geographi Latini minores. Heldbronnae: apud Henningeros fraters*, 1868. P. 145–159.
7. Eudocia Augusta. Violarium / rec. et emendabat, fontium testimonia subscr. I. Flach. Lipsiae: in aedibus B. G. Teubneri, 1880. XII, 782 p.
8. Beda Venerabilis. De septem mundi miraculis // *Venerabilis Bedae opera omnia / accurante et denuo rec. J.-P. Migne. Parisii, 1904. Vol. 1. P. 961–962*. Reprinted: Nabu Press, 2012.
9. Турский Г. Расчет движения звезд / пер. с лат. Ю. А. Ефремовой // *Средние века*. Вып. 71 (3/4). Москва: Наука, 2010. С. 145–175.
10. Афиней. Пир мудрецов / пер. с древнегреч. Н. Т. Голинкевича. Москва: Наука, 2003. Кн. I–VIII. 656 с.
11. Choricii Gazaei opera / rec. R. Foerster, E. Richtsteig. Lipsiae: in aedibus B. G. Teubneri, 1929. XXXVI, 576 p. Reprinted: Nachdruck, 1972.

12. Ambrosetti N. Cultural Ruts of Technology: An Interdisciplinary Study of Automated Systems from the Antiquity to the Renaissance. Milano: Univ. Degli Studi, 2009 (2010). 257 p.

13. Philonis mechanicae syntaxis. Libri quartus et quintus / rec. R. Schoene. Berolini: typ. et impensis G. Reimeri, 1893. XII, 96 p. Reprinted: Berlin: Walter de Gruyter GmbH & Co KG, 2018.

References

1. Ancient Lyrics: transl. from Greece and Lat. Moscow: Khudozh. lit., 1968. 623 (in Russ.).
2. Philonis Byzantini libellus de septem orbis spectaculis. Lipsiae: sumpt. Fr. Chr. Vogelii, 1816. XX, 228. Reprinted: Whitefish, Montana (USA): Kessinger Publ., 2010; Charleston, South Carolina (USA): Nabu Press, 2011.
3. Diels H. Laterculi Alexandrini aus einem Papyrus Ptolemäischer Zeit. Mit 1 Taf. *Abhandlungen der Königlich Preussischen Akademie der Wissenschaften. Philosophische und Historische Abhandlungen II*. Berlin: Verlag der Königlichen Akad. der Wissenschaften, 1904. 1–16.
4. Lucius Ampelius. Liber memorabilis. *Roman historians Minores. Velleus Paterculius, Annaeus Florus, Lucius Ampelius* / transl. from lat. A. E. Nemirovskiy, M. F. Dashkova. Moscow: Ladomir, 1996. 191–222 (in Russ.).
5. Index scholarum publice et privatim in Academia Georgia Augusta per semester aestivum. Gottingae: offic. Acad. Dieterichiana typ. is expressit. W. Fr. Kaestner, 1884. 8.
6. Vibii Sequestri de fluminibus fontibus lacubus nemoribus paludibus montibus gentibus per litteras. *Riese A. Geographi Latini minores*. Heldbronnae: apud Henningeros fraters, 1868. 145–159.
7. Flash I. (rec.). Eudocia Augusta. Violarium. Lipsiae: in aedibus B. G. Teubneri, 1880. XII, 782 p.
8. Beda Venerabilis. De septem mundi miraculis. *Venerabilis Bedae opera omnia / accurante et denuo rec. J.-P. Migne. Parisii, 1904. Vol. 1. S. 961–962*. Reprinted: Nabu Press, 2012.
9. Turonensis G. Calculation of the Stars Moution: transl. from Lat. *Middle Ages*. 2010. 71 (3/4), 145–175 (in Russ.).
10. Golinkevich N. T. (transl.). Athenaeus. The Deipnosophistae. Moscow: Nauka, 2003. I–VIII. 656 (in Russ.).
11. Foerster R. (rec.), Richtsteig E. (rec.). Choricii Gazaei opera. Lipsiae: in aedibus B. G. Teubneri, 1929. XXXVI, 576 p. Reprinted: Nachdruck, 1972.
12. Ambrosetti N. Cultural Ruts of Technology: An Interdisciplinary Study of Automated Systems from the Antiquity to the Renaissance. Milano: Univ. Degli Studi, 2009(2010). 257.
13. Schoene R. (rec.). Philonis mechanicae syntaxis. Libri quartus et quintus. Berolini: typ. et impensis G. Reimeri, 1893. XII, 96. Reprinted: Berlin: Walter de Gruyter GmbH & Co KG, 2018.